



Николай Перевозчиков г. Челябинск

Волшебный инструмент

На этой старой фотографии – мой прадед. Сидит он в трактире, волосы шёлковые на прямой ряд уложены, брови чёрные дугой изогнуты, и лихо из стаканчика винцо попивает да селёдкой закусывает. И сидел он так в трактире шесть месяцев и восемь дней.

А вот на девятый день седьмого месяца приходит он в трактир и звонким голосом разносолов разных требует. Хозяин трактира со вниманием его послушал, а потом рассказывает: дескать, многоуважаемый сударь наш Никита (так моего прадеда звали), заказ ваш сей момент исполним, толечко позапамятовали вы, что деньги у нас наперёд платятся.

– Ах да, – спохватился Никита и ну себя по карманам постукивать, звонкую монету выколачивать. Только нет монеты, и неведомо, куда она запропастилась. Тут и говорит он дрогнувшим голосом: – Дорогой хозяин, неужто мне веры не будет и в долг ты меня не напоишь и не накормишь?

А хозяин трактира в ответ:

– Каждого поить-кормить – недолго и в

разоре быть. А потому как ты все вечера здесь просиживал, а не был при деле, промотал ты своё наследство, и гроша у тебя нет медного.

Вот Никита на всякий случай ещё карманы пощупал, не завалилась ли монета где, ничего не выискал, плюнул под ноги хозяину-трактирщику и несолоно хлебавши домой пошёл.

А дома что? Углы пустые, потолки, паутиною покрытые. Закручинился Никита. И вдруг вспомнил: умирая, родитель завещал ему инструмент по столярному делу. Родитель-то столяром-краснодеревщиком всю жизнь проработал. А как стал умирать, позвал сына и говорит:

– Вырос ты, сынок, крепким да весёлым, а вот ни с каким ремеслом дружбу не завёл. Но, делать нечего, оставляю я тебе в сундуке инструмент по столярному делу. Волшебный он. Как нужда крайняя наступит, снеси его другу моему Илье Андреевичу, он тебе за этот инструмент столь денег отвалит, на всю жизнь хватит.

– Эх-ма, что же я родителей наказ забыл!

Вот скорёхонько побежал Никита домой, в тёмном чулане опустился перед пыльным сундуком на колени, в замочную скважину ключ вставил.

«Ну, теперь заживу, – радуется он, – а в трактир, куда столь времени хаживал, дорогу забуду. Теперь в наилучший ресторан на тройке ездить стану».

Открыл он сундук. И что же? Лежит инструмент: рубанки, молотки, стамески. Только не похоже, что он волшебный. Ну, делать нечего, дай думает, схожу к Илье Андреевичу. Вот приходит он к дому Ильи Андреевича, кленовую калитку рукой отворяет, а на дворе – хозяин дома, на крыльчке посиживает. Никита поздоровался чинно, как водится, а потом давай обсказывать:

– Так, мол, и так, оставил родитель волшебный инструмент по столярному делу; наказывал, чтобы я его вам, разлюбезный Илья Андреевич, продал, а вы бы за него золотых поболее отсыпали.

А Илья Андреевич ухмыляется в седую бороду и отвечает ласково:



– Да, паря, слыхивал я, что у твоего родителя такой инструмент водился, и с великой охотой куплю его.

У Никиты губы в довольной улыбке сами разъехались, даже неловко стало перед Ильей Андреевичем, что он свою поспешную готовность продать инструмент выказал, поэтому понурил он голову и говорит печальным голосом:

– С родительской памятью ни в жизнь бы не разлучился, да куда деваться – нужда скрутила, продохнуть нет моченьки.

А Илья Андреевич кивает головой:

– Понимаю, понимаю, неси.

Никита – домой бегом, на тележку сундук взвалил – и назад. Глянул Илья Андреевич на столярный инструмент, языком прищёлкнул:

– Всю жизнь думку имел таким инструментом обзавестись. И секрет-то весь в том, что даже незнакомый человек возьмёт его в руки и будет у него мебель получаться диковинная. Ну, пошёл я за деньгами.

Направился Илья Андреевич в избу, да приостановился:

– А верно, паря, тот ли ты мне инструмент принёс, нет ли какого обману?

Никита глазами захолопал:

– Да как же вы помыслили такое?

– Ты уж извиняй меня, только стар я, чтоб на слово верить, должен я испытать, тот ли инструмент мне продаётся, деньги он стоит нешуточные.

Никита только плечами пожимает.

– Мыслю я на тебе его испытать, – говорит Илья Андреевич. – Так ты сказывал, инструментом этим не работал?

Никита божится:

– Провалиться мне на этом месте, если я им работал!

– Ладненько, – говорит Илья Андреевич, – сработай-ка мне кресло резное, а для начала рубанком обработай эту дощечку, – сказал и пошёл в дом.

Никита рад стараться, а что тут хитрого – кресло смастерить, ежели инструмент сам за тебя всю работу выполнит. Схватил он рубанок и к дощечке. Раз, раз – давай её

рубанком гладить, только от дощечки никакой стружки нет.

Сколь времени бился Никита – неведомо, только взмок весь. Вдруг слышит: заскрипело крылечко, выходит из дому Илья Андреевич. Подошёл, глянул на работу Никиты и рассмеялся.

– Это как же ты надумал доску строгать, если из рубанка железка вынута? Тут от такой глупости, чего доброго, инструмент волшебную силу потеряет.

Рассердился Никита, дощечку швырнул на землю, и рубанок туда же.

– Э, паря, да ты, видать, с форсом. За такое отношение к инструменту и отцовской памяти треснул бы тебя поленом по твоей башке, да только не поможет, что ей сделается, раз она у тебя деревянная. А сейчас ступай-ка, мил друг, с моего двора, чтоб тебя мои глаза не видели.

Делать нечего, собрал Никита инструмент и к калитке направился. А Илья Андреевич уж кричит вдогонку:

– Погодь-ка. Возвернись. С инструментом не хочу расставаться. Покупаю. Только чую, волшебную силу он подрастерял малость, пока лежал без дела. Надобно тебе её восстановить.

Никита спрашивает:

– Как же восстановить-то?

– Да очень просто, я вот доску, что тебе давеча давал, да ты кинул, сам рубанком постругаю, а ты посмотри, а потом, как только сам сработишь дощечку похожую, что у меня, считай, и появилась волшебная сила у рубанка.

И началось для Никиты время тяжёлое, рубанок-то с норовом оказался, так и хочет из руки выпрыгнуть или дощечку испортить. А Илья Андреевич рядом стоит, похваливает:

– Ничего, скоро совсем хорошо получится.

Только к вечеру вернулся Никита домой. Из кадки зачерпнул ковшом квасу холодного, на вишнёвом листу настоящего, осушил его, лёг, не раздеваясь, на кровать. Плечи ноют, руки болят, а в спину будто кто шилом тычет. Заснул он сразу, а среди ночи проснулся, от подушки голову оторвал, в окно месяц заглядывает, по полу лунную

дорожку стелет, и, что за диво, у стола сидят бабки синие, тощие, оборванные и между собой шепчутся:

– Захворал наш хозяин – лечить надобно, – молвит одна. – Что же это ты, человек, вытворил, сколь времени не рабывал, а сейчас работать надумал, рученьки себе покалечил, плечики надсадил, и зачем всё это надобно? Инструмент-то кому-либо продай, а не этому Илье, а деньги в трактир снесём, покуражимся, себя покажем, народ посмотрим.

Никита спрашивает:

– Бабушка, как величать-то тебя?

– Да Нуждой в народе кличут, а рядом по праву руку Лень сидит, а по левую – Скука. Вот собрались да гадаем, как тебя из беды вызволить.

– Да что за беда у меня?

– Эх, соколик, аль сам не ведаешь, что же ты теперь робить всю жизнь будешь, от работы спину ломит.

– Угу, была бы шея, – хомут найдётся, – поддакивают Лень и Скука.

– Не собираюсь я работать, – отвечает Никита, – вот появится у инструмента волшебная сила, получу кучу денег и заживу припеваючи. А сейчас убирайтесь-ка, старушенции, откуда пришли, потому как вы мне спать мешаете, а завтра мне подниматься с зорькой надобно.

Старухи хотели что-то возразить, но Никита схватил сапог, запустил его в них, и они исчезли, будто и не было, а может, и впрямь их не было, показалось всё.

Наутро Никита опять у Ильи Андреевича во дворе строгать рубаночком принялся доску. А к вечеру стружка от дерева чуть ли не до колен достаёт. Не один десяток досок испортил, а проку никакого. А Илья Андреевич знай твердит:

– Ничего-ничего, уже лучше получается. Вишь, как инструмент спортился.

Только на четвёртый день Никита доску сделал, что не отличишь от образца. Илья Андреевич похваливает:

– Вот, видишь, направился рубаночек, приобрёл волшебную силу, а теперь стамеску обучать примемся.

И опять всё сначала. И так Никита обучал столярный инструмент целый год волшебной силе. А прошёл год, Илья Андреевич говорит:

– А теперь, паря, пора и кресло делать, посмотреть хочу, появилась волшебная сила у инструмента или нет.

Прошло две недели, и сделал Никита кресло – глаз не оторвать, залюбуешься.

– О! – говорит Илья Андреевич. – Это, я вижу, дело. Пошёл я в избу за деньгами.

Но тут Никита инструмент в сундучок аккуратно складывает и вежливо так говорит:

– Не трудитесь, Илья Андреевич, а инструмент этот столярный я продавать не собираюсь, так как это память родительская и очень мне дорогая. Так что и цены ему нет, и денег у вас таких не найдётся. А ещё – большое спасибо вам за науку, – и в пояс Илье Андреевичу кланяется, – понял я, что к волшебному инструменту умелые руки нужны, и будет всё как надо.

Усмехнулся Илья Андреевич, потрепал Никиту по плечу:

– Правильно ты всю мою науку понял, и я рад, что не зря тебя год учил уму-разуму.

И с тех пор стал мой прадед знатнейшим столяром-краснодеревщиком. Вот у меня его фотография висит: стоит он с молоточком в руке, а рядом шкаф им сделанный: работы тонкой, узорами изукрашенный, на резных ножках. Да вы если у нас в городе будете, в музее его увидеть можете, там постоянно возле него народ стоит, и действительно есть на что посмотреть.

А фотографию, где прадед в трактире сидит, я случайно нашёл, на чердаке, не любил её прадед. А оставил, не порвал, видимо, в назидание нам, своим внукам-правнукам, так как спиртного прадед с тех пор в рот ни капли не брал, и если кто из любопытных пытался узнать, чего это он трезвенником стал, прадед отвечал сердито:

– Водка – ремеслу помеха.

Больше произведений автора по ссылке
stihi.ru/avtor/perevozchikov